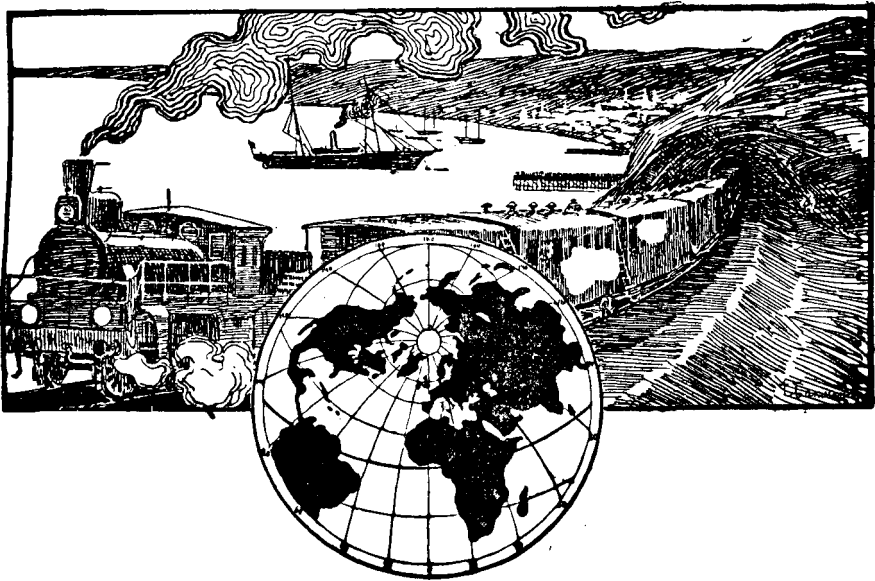

Николай Михайлович
ПРЖЕВАЛЬСКИЙ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Вадцатаго октябръ исполнится двадцать пять лѣтъ со дня смерти великаго русскаго путешественника, генеральнаго штаба генераль-маіора, Николая Михайловича Пржевальскаго ¹⁾...

Есть счастливыя имена, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго... Н. М. Пржевальскій принадлежалъ къ числу немногихъ счастливыхъ людей, ученая дѣятельность которыхъ еще при жизни была оцѣнена, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границую... Подобно маршалу Нею,

---

¹⁾ Болѣе подробно о Пржевальскомъ, см. въ трудѣ: П. К. Козловъ. «Николай Михайловичъ Пржевальскій—первый изслѣдователь природы Центральной Азии». Съ двумя портретами, тремя таблицами, пятью рисунками въ текстѣ и одною отчетною картою четырехъ путешествій Пржевальскаго. С.-Петербургъ. 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

онъ могъ бы сказать: «у меня нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я самъ буду хорошимъ предкомъ».

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Корнилы Анисимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и принявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Дѣдъ Николая Михайловича воспитывался въ іезуитской школѣ въ Полоцкѣ, по до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Ѳомича. Одинъ изъ двухъ сыновей послѣдняго, а именно Михаилъ Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой, есть отецъ Николая Михайловича. Михаилъ Кузьмичъ (будучи слабого здоровья) оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и (вскорѣ послѣ женитьбы) основался на житье въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи «Отрадномъ», рядомъ съ родовымъ гнѣздомъ своей жены.

Въ «Отрадномъ» Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости и былъ подготовленъ къ поступленію въ Смоленскую гимназію. Блестящія способности и феноменальная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ. Имѣя всего 16 лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ гимназіи и, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

— Наконецъ, говоритъ Николай Михайловичъ, наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. «Станьте здѣсь и молитесь», обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ я подошелъ къ ней.—«Да сохранить тебя Господь Богъ во всей твоей жизни», сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ какъ ребенокъ...

Служба въ полку велась очень плохо: на юнкеровъ не обращали вниманія, офицеры проводили время среди картъ и кутежей. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если воздержаніе ему удавалось, то онъ заслу-

живаль общее уваженіе среди товарищей-кутилъ. Николай Михайловичъ рассказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который, заставляя его пить и получивъ отказъ, сказалъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ, говорили другіе офицеры: а только среди насъ.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи», пишетъ Пржевальскій, «потаскавшись въ караулъ и по всевозможнымъ гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взводомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли...»

Тогда же онъ рѣшилъ основательно учиться и вскорѣ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польскаго возстанія, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, по желанію, не ѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, съ правами второго разряда окончанія академіи. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ іюлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ полка, Николай Михайловичъ однажды спасъ съ помощью ихъ одного изъ товарищей отъ суда за растрату (по опрометчивости) казенныхъ денегъ.

«Милостивые государи!» написалъ имъ Н. М. Пржевальскій: «товарищъ нашъ, поручикъ К. при сдачѣ должности полкового квартирмейстера оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ заплатить своею службою. Но дѣло это еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятіемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмейстеромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого, мы покажемъ, что общество нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: «я спасъ своего товарища, я сдѣлалъ святое, честное дѣло».

Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуска Н. М. Пржевальскій неизмѣнно

проводилъ въ «Отрадномъ», среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія ботаники и зоологіи. Чѣмъ больше онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи по Азіи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ ископатель себѣ для этого назначеніе взводнымъ офицеромъ, преподавателемъ исторіи и географіи въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.

Пржевальскій оказался прекраснымъ лекторомъ: говорилъ громко, ясно и удивлялъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ трудовъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажекъ любимчикамъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: «Не буду ли я вамъ, юноши, смѣшонъ и жалокъ послѣ такой уступки?.. Вспомните прекрасныя слова: «я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость».

Настольными книгами Николая Михайловича были: «Картина природы» Гумбольдта, «Азія» Риттера и другія соч. по Азіи. На пріобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей специальности онъ тратилъ почти всѣ свободныя деньги. Въ немъ обнаруживалась не одна громадная начитанность, но и умѣнье широко обобщать и блестяще систематизировать. Своею вдохновенной рѣчью онъ увлекалъ другихъ. «Ваше письмо», писалъ ему одинъ изъ товарищей много лѣтъ спустя, «какъ нѣкогда ваше присутствіе, имѣетъ что-то такое, что будитъ душу, требуетъ оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось».

Природа съ ея красотою манила къ себѣ Пржевальскаго постоянно, и мысль о путешествіи въ неизвѣстные края Азіи росла въ немъ съ неодолимой силой...

...«Въ 1867 году я впервые познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ», говорилъ вице-предсѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій: «черезъ мое посредство онъ обратился тогда въ первый разъ за помощью и покровительствомъ къ Географическому обществу, объяснивъ мнѣ свои намѣренія заняться путешествіемъ въ Средней Азіи. Въ то время Общество крайне рѣдко помогало матеріальными средствами молодымъ путешественникамъ, отправляющимся въ путешествіе по собственной инициативѣ, можетъ быть потому, что такая инициатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко;

но отъ времени до времени оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ, уже извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендуемыхъ организаторами экспедицій. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мірѣ еще совершенно неизвѣстною величиною и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, совѣтъ Общества не рѣшился...» Слѣдуетъ замѣтить, что молодой, энергичный Пржевальскій произвелъ на П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго сильное впечатлѣніе и П. П., боясь разстаться съ нимъ навсегда, обѣщаль Николаю Михайловичу, что если онъ на собственные средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поѣздки и изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ, которыми докажетъ свою способность къ путешествіямъ и географическимъ изслѣдованіямъ, то, по возвращеніи изъ Сибири, онъ можетъ надѣяться на организацию со стороны Общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной экспедиціи въ Среднюю Азію.

Пржевальскій отправился въ Иркутскъ, гдѣ просвѣщенный генералъ Кукель встрѣтилъ его благосклонно и нашелъ возможнымъ дать ему командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того Сибирскій отдѣлъ Географическаго общества поручилъ ему описать флору и фауну и собрать зоологическую и ботаническую коллекціи.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, а Сибирь его поразила: «дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились», говорилъ Николай Михайловичъ.

Особенное вниманіе Пржевальскаго (теперь уже путешественника) привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, гдѣ хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные, самыхъ роскошныхъ размѣровъ; гдѣ къ европейскимъ породамъ — дубу, липѣ и клену — примѣшивается грецкій орѣхъ и пробковое дерево. «Охотничья собака отыскиваетъ вамъ», пишетъ Пржевальскій, «медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго по величинѣ и силѣ обитателю джунглей Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствіемъ чловѣка; развѣ изрѣдка пробредетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнить, нежели нарушить, картину дикой дѣвственной природы...»

Однажды, на экскурсіи, Николай Михайловичъ столкнулся съ такимъ гигантомъ медвѣдемъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Си-

бири. «Будучи пробить первую пулею», пишет Пржевальскій, «на разстояніи сорока шаговъ, медвѣдь съ ревомъ бросился на меня... Когда разъяренный звѣрь приблизился шаговъ на пять, я спустилъ курокъ и медвѣдь, съ прострѣленнымъ черепомъ, словно снопь, рухнулъ на землю. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенья не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языкъ и громадные зубы...»

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ Николай Михайловичъ особенно восхищался величіемъ Японскаго моря. «Присядешь бывало», говоритъ онъ, «на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря и сколько различныхъ мыслей зароится въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна и гдѣ волны того же самого океана омывають берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи! Погрузится затѣмъ мысль въ туманную глубину прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею въ еще большемъ величіи. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планетѣ, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея исторію, и развѣ только немногія горныя породы старѣе мастиаго океана!»...

Въ январѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибылъ въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ Географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну и, наконецъ, его инородческое населеніе.

Императорское Географическое общество почтило труды Пржевальскаго серебряною медалью, а Военное министерство — переводомъ его въ генеральный штабъ.

Окончивъ затѣмъ описаніе «путешествія въ Уссурійскій край», Николай Михайловичъ обратился въ совѣтъ Географическаго общества съ просьбою исходатайствовать ему разрѣшеніе отправиться въ сѣверныя окраины Китая и преимущественно въ малоизвѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки, въ земли ордосовъ и Кукунорь.

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій сдержалъ свое слово. Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большимъ сочувствіемъ, и его экспедиція осуществилась. Въ январѣ 1871 года Пржевальскій со своимъ спутникомъ Пыльцовымъ совершаетъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. По цѣлымъ недѣлямъ мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается попрежнему угрюмой и непривѣтливой.

За то, попавъ въ Алашанскій хребетъ, Николай Михайловичъ проводитъ въ этихъ горахъ нѣсколько недѣль и, какъ истый натуралистъ, цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за плечами. «Взобравшись на высокую вершину», говоритъ Пржевальскій, «съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣлому часу любишь панорамую, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто останавливался въ такихъ мѣстахъ, садился на камень и прислушивался къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушалась здѣсь ни говоромъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка — воркованье каменнаго голубя и пискливый крикъ клушицы; проползетъ по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ или, наконецъ, высоко изъ-подъ облаковъ съ шумомъ спустится къ своему гнѣзду грифъ, а затѣмъ, попрежнему, кругомъ все станетъ тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокъ, узкою лентою блеститъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу — широкою полосою уходятъ изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панорама очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, миритъ со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ міръ поэтическій, чистый и безстрастный».

По оставленіи Алашаня, Пржевальскій вступилъ въ Гань-су. Голубая окраска прозрачнаго неба, дикія скалы, дѣвственные лѣса береговъ Тэтунга постоянно ласкали глазъ путешественника, въ особенности при стоянкѣ въ окрестности горы Сади-Саруксумъ.

Между тѣмъ провинція Гань-су, въ которой находилась экспедиція, была объята мятежнымъ движеніемъ дунганъ. Смѣлость Пржевальскаго и полное игнорированіе имъ разбойниковъ скоро расположили къ нему мѣстныхъ обитателей, въ особенности же

проходившій втихомолку монгольскій караванъ, съ которымъ Николаю Михайловичу удалось отправиться въ желаемомъ направленіи — къ Тибету. По мѣрѣ того, какъ экспедиція подвигалась вглубь Центральной Азіи, стоустная молва опережала ее рассказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полубоги, не боящіеся разбойниковъ-дунганъ, что они заговорены отъ пуль, вооружены небывалыми ружьями и, въ случаѣ нападенія, по повелѣнію главнаго, является тысяча невидимыхъ людей и сражается за него. Вѣра въ Пржевальскаго была огромная.

За Цайдамомъ путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ вскорѣ застигли ихъ суровые морозы. Весною же 1873 года экспедиція направилась въ обратный путь черезъ Гань-су и Алашань, задержавшись вновь въ этихъ горахъ въ цѣляхъ пополненія естественно-историческихъ коллекцій.

Затѣмъ оставался послѣдній періодъ путешествія. Истощенные физически, наши путешественники дѣлали усиленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ которой чуть не погибли отъ зноя и безводія. Наученные горькимъ опытомъ и желая избѣгнуть жары, они вставали очень рано, до разсвѣта, но вычленіе верблюдовъ отнимало много времени и выходить приходилось все-таки съ восходомъ солнца. Урга, словно земля обѣтованная, манила къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Высчитывались не только дни, но и часы, когда наступитъ конецъ путешествію...

«Нужно видѣть», пишетъ Пржевальскій, въ какомъ состояніи наше одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ разорванные унты; сюртукъ и штаны всѣ въ дырахъ и заплаткахъ, фуражки ходятъ на старую выброшенную тряпку, рубашки поизорвались». Въ такомъ видѣ и съ огромными лишениями караванъ достигъ долины Толы... День 5-го сентября былъ счастливейшимъ днемъ путешественниковъ: они попали въ родную среду, въ родное, русское консульство...

«Путешествіе наше кончилось», пишетъ Николай Михайловичъ. «Его успѣхъ превзошелъ даже тѣ надежды, которыя мы имѣли, переступая въ первый разъ границу Монголіи...»

Столица нетерпѣливо ждала путешественника и встрѣтила его (съ его достойнымъ спутникомъ) съ распростертыми объятіями. Императорское Географическое общество поднесло Пржевальскому своего рода лавровый вѣнокъ — Константиновскую медаль.

Съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ Пржевальскому и тогдашній военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ.

Еще въ то время, когда писалась «Монголія и страна тангутовъ», Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. «Я не намѣренъ успокоиться», сообщалъ онъ одному изъ друзей, «и въ концѣ будущаго (1875) года, лишь только окончу второй томъ своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ».

Особенно-сочувственные отзывы министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ дали возможность совѣту Географическаго общества просить Августѣйшаго предсѣдателя, Великаго Князя Константина Николаевича, исходатайствовать на экспедицію Пржевальскаго просимую имъ сумму изъ средствъ государственнаго казначейства. Его Высочество исходатайствовалъ деньги и при этомъ выразилъ увѣренность, «что экспедиція Пржевальскаго принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которыя примутъ на себя заботы къ ея скорѣйшему осуществленію...»

20-го августа 1875 года Пржевальскій выступилъ съ экспедиціей изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобь-норъ. «Илійская долина, говоритъ онъ, это азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ китайцамъ, право, не слѣдуетъ». Долиною Кунгеса и Цагма экспедиція достигла Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерковъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и кормное, говорили торгуть Пржевальскому, рассказывая про Юлдусъ: только и жить господамъ да скотинѣ.

Послѣ ознакомленія съ Юлдусомъ, Пржевальскій попалъ въ городъ Курля—резиденцію Якубъ-бека кашгарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета или «Счастливица», какъ кашгарцы называли своего хана, который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ внѣ города и приставленъ караулъ, подъ предлогомъ охраненія. «Въ сущности же для того», говоритъ Пржевальскій, «чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правленіемъ Якубъ-бека». Будучи очень подозрительнымъ, Якубъ-бекъ недоувѣрчиво отнесся и къ мирнымъ научнымъ пѣлямъ Пржевальскаго.

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить

свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственнаго Лобъ-нора. Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Идти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось пробираться по лѣсу или густымъ колючимъ кустарникомъ, иногда же по высокому тростнику, корни котораго, словно желѣзная щетка, израниваютъ до крови верблюжьи пятки. Въ попутномъ большомъ селеніи Ахтарма, окруженномъ лѣсами и необъятными площадями тростника, въ которомъ водятся тигры, Пржевальскій провель восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Охота на тигра вообще, кромѣ опасности, весьма трудна, по чуткости звѣря, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ отраву.

Вторую половину зимы экспедиція провела въ изслѣдованіяхъ открытаго ею хребта Алтынъ-тага, а весну 1877 года на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, періодически, собираются милліоны плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ, за которыми наблюдали и охотились путешественники.

Пользуясь миролюбіемъ и добродушіемъ лобнорцевъ, Пржевальскій свободно плавалъ въ лодкѣ по Лобъ-нору и изучалъ бытъ мѣстныхъ обитателей. «Это такіе дикари», писалъ онъ, «какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ. Бѣдный и слабый физически лобнорець или кара-курчинець бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, внѣ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ— вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго махеха-природа. Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обитателей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго генія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорскіе дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много манящаго и оригинальнаго во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдомаго озера, въ кругу людей, живо напоминавшихъ собою примитивный бытъ человѣчества...»

Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, въ особенности на обратномъ пути въ Зайсанъ,

когда Н. М. Пржевальскій сильно страдалъ отъ зловреднаго зуда, заполученнаго отъ соленой пыли Лобъ-нора. Всѣ доктора, къ которымъ Пржевальскій обращался по прїѣздѣ въ Петербургъ, находили, что болѣзнь его происходила главнымъ образомъ отъ нервнаго разстройства, вызваннаго общимъ утомленіемъ организма. Наилучшее лекарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, «чему я очень радъ», писалъ Николай Михайловичъ. «Изъ Питера поѣду прямо въ «Отрадное» — родное гнѣздо, не останавливаясь въ Смоленскѣ»...

Деревенское приволье значительно возстановило силы Пржевальскаго, и онъ началъ мечтать о третьемъ путешествіи по Центральной Азіи. Счастье опять улыбнулось ему.

Съ разгорѣвшейся весенней зарей 21-го марта 1879 года караванъ былъ готовъ къ выступленію изъ Зайсана. Впереди и поодаль слѣдовалъ верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться: путешествіе началось.

Опять поперекъ великой пустыни, опять поперекъ высокаго Нань-Шаня, въ области котораго Пржевальскому удалось открыть два отдѣльныхъ, самостоятельныхъ снѣговыхъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ географовъ—Гумбольдта и Риттера. Стоя на одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говоритъ: «Никогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.100 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суеты и скверны житейской. Хоть на минуту становишься дѣйствительно духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ мелочныхъ помысловъ и стремленій».

За Нань-Шанемъ и Цайдамомъ начался второй періодъ путешествія болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежащихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. Грандіозная природа Азіи ознаменовала себя тамъ духомъ подавляющей массивности, въ видѣ тибетскаго нагорья, поднятаго отъ 13—15.000 до 18.000 футовъ надъ моремъ. Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета процвѣтають богатѣйшія пастбища,

по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія. Встрѣчая на пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, сотенныя стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, Пржевальскій вначалѣ съ трудомъ вѣрилъ, что то могли быть дикія животныя, которыя притомъ обыкновенно довѣрчиво подпускали къ себѣ человекъ, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего.

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь «завѣтной» страны и по мѣрѣ приближенія зимы, тибетское нагорье давало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливающій организмъ... Всюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминавшіе о трудной борьбѣ человекъ съ грандіозною природою. На переходахъ, даже небольшихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ помимо выюченія и развьюченія верблюдовъ, дорогою имѣли на себѣ ружья, патронташи и проч., всего чуть не по полупуду тяжести...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ ознаменованъ нападеніемъ тибетскихъ разбойниковъ—ёграевъ. Пржевальскій съ отрядомъ открылъ огонь, и послѣ перваго залпа ёграи бросились на утекъ, потерявъ четырехъ человекъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащія населенные пункты пришли въ смятеніе, преградивъ дорогу экспедиціи. Сторожевые посты твердили: «не пустимъ, пока не получимъ отвѣта изъ Лхасы—столицы Тибета».

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его запертъ: спереди—въ деревнѣ Наичу, было собрано до тысячи солдатъ и милиціи, а сзади на Танъ-ла, несомнѣнно, ёграи поджидали возвращенія путешественниковъ. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: *«по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, рѣшено не пропускать русскихъ въ Лхасу»*...

...Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. «Трудно описать», говоритъ онъ, въ письмѣ посланнику въ Пекинѣ, «съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулъ я въ обратный путь! Но видно такая моя судьба! Пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, dokonчитъ недоконченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать».

Весна и лѣто были проведены экспедиціей въ верховья Жел-

той рѣки и на Куку-норѣ... «Шестого іюня», записалъ Пржевальскій въ своемъ дневникѣ, «распрощались мы съ Куку-норомъ вѣроятно уже навсегда. Передъ отходомъ я нѣсколько минутъ пристально глядѣлъ на красивое озеро, стараясь живѣе запечатлѣть въ памяти его панораму»...

Еще болѣе трогательно прощается Николай Михайловичъ съ горами Гань-су, среди которыхъ темной змѣей извивается и сердито клокочетъ пѣнистыми брызгами его любимецъ—гордый красавецъ Тэтунгъ... «На самомъ перевалѣ», говоритъ онъ, «въ ожиданіи прихода отставшаго немного каравана, я нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ на великолѣпную панораму горъ. Оба хребта—на южной и на сѣверной сторонѣ Тэтунга—раскидывались передо мною и убѣгали въ даль къ западу, теряясь въ легкомъ синеватомъ туманѣ, наполнявшемъ воздухъ. Любовался глазъ, радовалось сердце. Но въ то же время грустное чувство охватывало душу, при мысли, что скоро придется расстаться со всѣми этими прелестями. Сколько разъ завидывалъ пролетавшему въ это время мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя. Лучшимъ дѣлается человекъ въ такія минуты. Словно поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ помысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ на высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ красотъ природы!...»

Спустились въ долину, и обстановка рѣзко измѣнилась: взамѣнъ пріятной прохлады горъ, экспедиція встрѣтила сильную жару и чрезвычайную сухость атмосферы. Раскаленная днемъ почва горячо дышала до слѣдующаго утра, а тамъ опять багровымъ дискомъ показывалось дневное свѣтило и быстро накаляло все, что хотя немного успѣвало остыть въ теченіе ночи.

Побуждаемые внутреннимъ чувствомъ, путешественники не испытывали теперь особенной усталости и изо-дня-въ-день ходко подвигались къ Ургѣ... Только послѣдній переходъ тянулся невыносимо долго... «Наконецъ», пишетъ Николай Михайловичъ, «съ перевала передъ нами раскрылась широкая долина рѣки Толы, а въ глубинѣ этой долины, на бѣломъ фонѣ недавно выпавшаго снѣга, чернѣлся священный монгольскій городъ Урга... Еще два часа черепашьей ходьбы—и вдали замелькало красивое зданіе нашего консульства. Обстановка пустыни круто измѣнилась. Попадали мы словно въ иной міръ. Родное европейское чувствовалось уже недалеко. Радужная встрѣча соотечественниковъ, обоюдные раз-

спросы, письма отъ друзей и родныхъ, теплая комната, взаѣмнѣ холодной юрты, разнообразныя яства, чистое бѣлье и платье—все это сразу настолько обновило насъ, что прошлое казалось грезами обманчиваго сна»...

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Своими блестящими лекціями Пржевальскій привлекалъ многочисленныя аудиторіи...

Петербургъ и родной Смоленскъ избрали путешественника въ почетные граждане; Московскій университетъ — почетнымъ членомъ, равно какъ и Вѣнское, Итальянское и Дрезденское географическія общества. Пржевальскій благодарилъ всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль.

Выставка зоологическихъ коллекцій путешественника, устроенная въ залахъ Академіи наукъ, привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, главнѣйшіе результаты своихъ путешествій въ Средней Азіи.

Описаніе своего путешествія Пржевальскій уже производилъ въ новомъ, только что приобрѣтенномъ имъ, имѣніи «Слобода», Смоленской губерніи, Порѣчскаго уѣзда. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, большею частью покрытой лѣсомъ, «да и лѣсъ, какъ *сибирская тайга*», писалъ новый владѣлецъ, «а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ. Но все таки это не исключаетъ желанія, и даже весьма солиднаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховья Хуань-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ котораго я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь»...

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржевальскій отправился въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ приступилъ къ печатанію своего труда и подалъ въ совѣтъ общества проектъ о новомъ, четвертомъ путешествіи въ Центральной Азіи. Пока разрѣшался вопросъ объ экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ печатаніе своей книги и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки».

Передъ самымъ отъѣздомъ Пржевальскаго изъ Петербурга На-

слѣдникъ Цесаревичъ (при прощаньѣ) подарилъ ему зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился и, поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался имъ, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣйшаго своего покровителя.

Въ Кяхтѣ Пржевальскій получилъ письмо воспитателя Царскихъ сыновей, генераль-адъютанта Даниловича. «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ мнѣ (писалъ онъ) переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорскаго Высочества и Его Августѣйшаго брата... Если бы во время путешествія вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальній Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ ни сколько о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою»...

Въ концѣ октября 1883 года началось четвертое путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Онъ твердо шель и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, пересѣкая третій разъ пустыню Гоби и спѣша въ горы Гань-су и долину Тэтунга. «Здѣсь (говорить Николай Михайловичъ) прекрасные обширные лѣса съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ ручьями, роскошные альпійскіе дуга, рядомъ съ дикими скалами и каменными осыпями, внизу же быстрый извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандіозномъ величій, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію».

Дальнѣйшій путь лежалъ въ сѣверо-восточный Тибетъ, гдѣ экспедиціи въ теченіе лѣта удалось обслѣдовать большой районъ въ бассейнахъ Желтой рѣки и Ян-цзы-цзяна... На озерахъ верхней Хуань-хэ Пржевальскій съ отрядомъ дважды подвергся лихимъ нападеніямъ тибетцевъ-разбойниковъ, племени н'голокъ, но обѣ атаки эти были блестяще отбиты. Слава о горсти русскихъ путешественниковъ быстро распространялась съ одной стороны къ Пекину, съ другой къ западному Тибету и Туркестану. Восточный Туркестанъ экспедиціей Пржевальскаго былъ пересѣченъ на всемъ его протяженіи. Караванъ драгоценныхъ коллекцій выросъ до большихъ размѣровъ и ровно черезъ два года вступилъ на родную землю.

Вблизи перваго русскаго города Каракола путешественники

были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими имъ русскую «хлѣбъ-соль», а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи былъ осчастливленъ поздравительной депешей Наслѣдника Цесаревича «съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и приобретенными результатами».

«Такъ сегодня—седьмого ноября», записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, «окончилось четвертое мое путешествіе по Центральной Азіи. Ровно два года провели мы въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь, жалко, больно съ нею расставаться—быть можетъ надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налегаютъ одинъ за другимъ и, конечно, наступитъ время, когда уже невозможно будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишеній подобныхъ путешествій. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе идти вглубь Азіи—воспоминанія о видѣнномъ тамъ и содѣянномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукъ»....

Императорское Географическое общество привѣтствовало славнаго путешественника въ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны, а Императорская Академія наукъ выразила неутомимому путешественнику особенную признательность и выбила въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: «*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*». 1886, а на оборотѣ надпись: «*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи*», окруженная лавровымъ вѣнкомъ.

Послѣ возвращенія изъ путешествія и обычнаго пребыванія въ Петербургѣ, Пржевальскій поселился въ любимой имъ «Слободѣ» и занялся составленіемъ книги. Постоянными его гостями были его друзья-спутники, съ которыми онъ часто предпринималъ охотничьи экскурсіи и рыболовства. Удаленная отъ желѣзныхъ дорогъ, далекая «Слобода» для чуткой души Пржевальскаго была незаменима....

На слѣдующій годъ Пржевальскій задумалъ уже новое путешествіе.

Изданіе научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій было обезпечено за счетъ двадцати пяти тысячъ рублей, пожалованныхъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Пржевальскій считалъ своею нравственною обязанностью принести посильную дань благодарности Его Высочеству и исходатайствовалъ дозволеніе посвятить Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія въ Центральной Азіи. Разрѣшеніе послѣдовало, и въ началѣ августа книга была издава подъ заглавіемъ: «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. *Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе стверной окраины Тибета и пути черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима*».

Въ августѣ 1888 года Пржевальскій трогательно простился со «Слободой» и со старушкой няней, а черезъ два мѣсяца, на порогѣ пятаго путешествія, онъ еще болѣе трогательно простился съ нами—спутниками.

— Похороните меня непременно на Исыкъ-кулѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте простую: «Путешественникъ Пржевальскій». Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты (обращаясь къ Роборовскому)ними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Пёрдѣ—Козлову, «Слободу» передаю Володѣ (племяннику) въ майоратъ...

На утро, двадцатаго октября, Николаю Михайловичу стало очень худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, сказалъ: *«ну теперь я лягу»*...

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть.... нѣсколько учащенныхъ дыханія, два-три глубокихъ вдоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы. горькія слезы душили cadaго изъ насъ.... Мнѣ казалось, такое горе пережить нельзя.... *да оно и теперь еще не пережито*.

Послѣ отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много. На перекресткахъ дорогъ встрѣчалась масса всадниковъ-киргизовъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу, двѣнадцать верстъ, пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода,

солнце играло по ледянымъ вѣнцамъ Тянь-Шаня, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи.

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должною почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатоности внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое рыданіе возносилось, вмѣстѣ съ душевною мольбою, къ Всевышнему—упокоить великую душу усопшаго раба Николая....

Завѣтное желаніе покойнаго было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азіи и могила его находится у подножья Небеснаго хребта—тамъ, гдѣ высится стѣна этого хребта и гдѣ его бѣлоснѣжныя вершины кажутся утопающими въ голубыхъ водахъ Иссыкъ-куля.

— Прощай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ—и душой и тѣломъ; самъ же ты со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азіи и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ: да будетъ же *твой завѣтъ* навсегда хранимъ нами!

Вѣсть о преждевременной кончинѣ Пржевальскаго произвела не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, скорбное впечатлѣніе....

Девятаго ноября 1888 года Императорское Географическое общество устроило чрезвычайное собраніе, посвященное памяти Николая Михайловича Пржевальскаго. Это собраніе было открыто рѣчью вице-предсѣдателя П. Семенова-Тянь-Шанскаго: «... Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много.... Въ нашей средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій вглубь Азіи, передъ нами писалъ онъ, съ свойственною ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій, свои томы; многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоценные матеріалы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій; при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои

экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшія лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

Вамъ, конечно, извѣстно, что Пржевальскій удостоился всѣхъ высшихъ наградъ со стороны всѣхъ географическихъ обществъ, не не всѣмъ извѣстны тѣ отзывы, которыми сопровождались эти награды.... Приведу прежде всего отзывъ барона Рихтгофена, знаменитаго геолога и путешественника по Китаю, предсѣдателя Берлинскаго географическаго общества, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе большой Гумбольдтовской медали, первое по ея учрежденіи. Рихтгофенъ, свидѣтельствуя о томъ, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, прямо и притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаетъ его геніальнымъ путешественникомъ, обладающимъ необыкновенною наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ этотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ. Въ частности, говоря объ Алтынъ-тагѣ, Рихтгофенъ признаетъ научное открытіе Пржевальскимъ этого хребта поразительнѣйшимъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково во важное значеніе, какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія средне-азиатскихъ народныхъ отношеній.

Президентъ Лондонскаго географическаго общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временъ Марко Поло, и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и какъ натуралиста; при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянныя и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго географическаго общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самаго счастливаго и отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

Президентъ Шведскаго географическаго общества, которое

въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ—Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представляетъ свою страну въ географической наукѣ.

Этихъ трехъ отзывовъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать мнѣнія о Пржевальскомъ ученыхъ обществъ въ Западной Европѣ. Свидѣтельскія же показанія нашихъ почтенныхъ ученыхъ, которымъ ближе всего извѣстны матеріалы, собранные Пржевальскимъ, вы услышите послѣ моей рѣчи»....

«Многіе изъ присутствующихъ», говоритъ академикъ Штраухъ—покойный директоръ Зоологическаго музея Академіи наукъ, «вѣроятно еще помнятъ грандіозное впечатлѣніе, которое производила устроенная въ началѣ 1887 года выставка собранныхъ Николаемъ Михайловичемъ предметовъ, наполнившихъ два большихъ зала въ новомъ зданіи академіи и составлявшихъ сами по себѣ уже цѣлый музей. Если мы ограничились бы еще замѣчаніемъ, что всѣ коллекціи покойнаго образцово приготовлены и прекрасно сохранены, то не затронули бы главной ихъ стороны, ихъ научнаго значенія. Николай Михайловичъ чрезвычайно систематично и съ рѣдкимъ пониманіемъ дѣла относился къ своимъ сборамъ. Какъ превосходный наблюдатель, онъ съ педантичной обстоятельностью заносилъ въ свои образцовые дневники всѣ наблюдавшіяся имъ біологическія явленія и другія свѣдѣнія. Такъ, по разъ заведенному плану, изъ года въ годъ дополнялись вмѣстѣ съ коллекціями и данныя, часто неощутимой важности, касающіяся жизни центрально-азиатскихъ животныхъ; никакое одолимое человѣческими силами препятствіе не было въ состояніи удержать Николая Михайловича отъ пополненія пробѣловъ, замѣченныхъ имъ въ своихъ матеріалахъ. Мертвыя числа, показывающія количество привезенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ—все это блѣднѣетъ передъ тою научною цѣнностью, которую покойный сумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣднѣетъ передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой матеріалъ на высоту, соответствующую

щую тѣмъ важнымъ задачамъ, которыя связаны съ изученіемъ животнаго населенія Центральной Азіи».

Академика-зоолога смѣнилъ на кафедрѣ Географическаго общества академикъ-ботаникъ, К. И. Максимовичъ. «Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ приобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурійскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученые экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его. Впечатлѣніе, особенно въ Англій, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда описаній колониальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаменитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималай до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его вышеупомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и неимовернымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только сумѣли проложить на картѣ пройденные ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ».

Николай Михайловичъ скончался на порогѣ пятаго путешествія. Какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи, кромѣ инструкцій, какъ путешествовать по Средней Азіи, еще и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію, для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ, скромно называя свои собственные труды *научными рекогносцировками*. Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его, найдемъ въ средѣ нашей отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе Центральной Азіи...

По волю МОНАРХА, двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго былъ законченъ сооружеиёмъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько позднѣе былъ поставленъ величественный памятникъ и на могилѣ Пржевальскаго, на высокомъ берегу Исыкъ-куля. Исыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тянъшаньскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла карта Азiи, на бронзовомъ листѣ; въ клювъ оливковая вѣтвь — эмблема мирныхъ завоеванiй науки.

Городъ Караколъ былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

П. Козловъ.

